

*Читаем детям рассказы
Евгения Ивановича Чарушина*

Чарушин Евгений Иванович (1901-1965) — выдающийся советский художник-график, а также автор замечательных рассказов о животных. Чарушин широко известен многим юным читателям, живущим на разных континентах земного шара. Его книги напечатаны в СССР, Англии, Франции, Чехословакии, Болгарии, Японии, США, Индии, Австралии и в других странах, тиражом свыше 50 миллионов экземпляров.

Рассказы и рисунки художника пришлись по сердцу всем, кто любит животных и природу. Чарушин всегда изображал то, что сам сильно любил и хорошо знал.

Еще мальчиком он часто бывал с отцом на охоте, бродил по полям и лесам. Он знал повадки животных и птиц, сам приручал их, поил, кормил.

Нарисованные им зайчата, медвежата, оленята, волчата вызывают добрые, теплые чувства. Художник изображает животных, тонко передавая их характер; мы узнаем хищника в барсе и тигренке, видим незащищенность зайчика, задиристость петуха, суетливость вороны. Рисунки художника очень правдивы, в них нет ничего лишнего. Они просты по форме, реалистичны, понятны всем.

Чарушин работал также в фарфоре, писал декорации для театра. Расписывал стены детских садов и домов пионеров, создавал модели игрушек. Он был талантливым педагогом, много сделавшим для художественного воспитания детей. За выдающуюся творческую и общественную деятельность ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Своим искусством Чарушин способствовал расцвету советской детской книги.

Про Томку

У охотника я увидел песика. Он вот какой. Уши длинные, хвост короткий.

Охотник рассказал, какой песик понятливый, как на охоте помогает, и умный-то, и не грязнуля... От этого песика, говорит, есть щенки. Приходите поглядите. И мы с ним пошли.

Щенки небольшие — только что научились ходить. «Который-то из них, — думаю, — мне будет помощник на охоте?»

Как узнать — кто толковый, а кто не годится?» Вот один щенок — ест да спит. Из него лентяй получится.

Вот злой щенок — сердитый. Рычит и со всеми лезет драться. И его не возьму — не люблю злых. А вот еще хуже — он тоже лезет ко всем, только не дерется, а лижется. У такого и дичь-то могут отнять.

В это время у щенят чешутся зубы, и они любят что-нибудь погрызть. Один щенок грыз деревяшку. Я эту деревяшку отнял и спрятал от него. Почует он ее или не почует?

Щенок начал искать. Других щенят всех обнюхал — не у них ли деревяшка. Нет, не нашел. Ленивый спит, злой рычит, незлой злого лижет — уговаривает не сердиться. И вот он стал нюхать, нюхать и пошел к тому месту, куда я ее спрятал. Почуял.

Я обрадовался. «Ну, — думаю, — вот это охотник! От такого и дичь не спрячется». Назвал его Томкой. И стал растить помощника.

Как Томка научился плавать.

Мы пошли гулять и взяли с собой Томку. Сунули его в портфель, чтобы он не устал. Пришли к озеру, сели на берег и стали кидать камушки в воду — кто дальше бросит. А портфель с Томкой на траву положили. Вот он вылез из портфеля, увидел, как камушек плюхнулся в воду, и побежал.

Бежит Томка по песочку, косолапый, неуклюжий, ноги у него в песке так и заплетаются. Дошел до воды, сунул лапы в воду и на нас оглядывается.

— Иди, Томка, иди — не бойся, не потонешь!

Полез Томка в воду. Сначала по животик зашел, потом по шею, а потом и весь окунулся. Только хвост-обрубочек торчит наружу. Повозился, повозился да вдруг как выскочит — и давай кашлять, чихать, отфыркиваться. Видно, он дышать в воде вздумал — вода и попала ему в нос да в рот. Не достал камушка.

Тут мы взяли мячик и кинули его в озеро. Томка любил играть с мячиком, — это была его любимая игрушка.

Шлепнулся мяч в воду, покрутился и остановился. Лежит на воде, как на гладком полу. Узнал Томка свою любимую игрушку и не стерпел — побежал в воду.

Бежит, повизгивает. Но теперь носом в воду не суется. Шел, шел да так и поплыл. Доплыл до мячика, цап его в зубы — и обратно к нам. Вот так и научился плавать.

Томка испугался

Когда Томка был совсем еще небольшим щенком, я взял его с собой на охоту.

Вот ходим мы с ним. Томка за бабочками, за стрекозами гоняется. Кузнечиков ловит. На птиц лает. Только никого поймать не может. Все улетают. Бегал он, бегал — так умурился, что сунулся в кочку носом и заснул. Маленький еще. А будить мне его жалко. Прошло с полчаса. Прилетел шмель. Бунчит, летает над самым Томкиным ухом. Проснулся Томка. Покрутился спросонья, поглядел: кто это такой спать мешает? Шмеля он не заметил, а увидел корову и побежал к ней.

А корова паслась далеко-далеко и, должно быть, показалась Томке совсем маленькой, не больше воробушка. Бежит Томка корову загрызть, хвост кверху поднял — никогда он еще коров не видал. Подбежал поближе, а корова уж не с воробушка — с кошку ростом кажется. Тут Томка немного потише побежал, а корова уж не с кошку, а с козу выросла. Страшно стало Томке. Он близко не

подошел и нюхает: что за зверь такой? В это время шевельнулась корова — ее, наверно, кто-то укусил. И побежал от нее Томка!

С тех пор он и близко к коровам не подходит.

Томкины сны

Когда Томка спит, он лает во сне, повизгивает, а иной раз и лапками шевелит, будто он бежит куда-то.

Спрашивают у меня ребята:

— Почему это Томка лает? Ведь он же спит!

— Он сны видит, — отвечаю.

— А какие?

— Да, наверно, какие-нибудь свои, собачьи сны, — про охоту, про зверей, про птиц. Человеку таких снов не увидеть.

— Вот интересно-то! — говорят ребята.

Обступили они Томку, глядят, как он спит. А Томка спал, спал и залаял тоненьким голоском. Я и спрашиваю у ребят:

— Чего же это он во сне видит? Вам понятно?

— Понятно, — говорят ребята. — Это он зайчонка увидел небольшого.

Томка поспал еще немного и лапками пошевелил.

— Вот, — говорят ребята, — это Томка побежал.

— За кем побежал?

— Да не за кем, а от козы. Он ее увидел, а она бодается.

Тут Томка зарычал, залаял.

— Проснись! — закричали ребята. — Проснись, Томка! Ведь он тебя сейчас съест!

— Кто, — спрашиваю, — съест?

— Медведь! Томка с ним подраться хочет. Медведь-то вон какой страшный! Томке с ним не справиться.

Как Томка не показался глупым

Томка не любит, когда над ним смеются, — обидится, отвернется. А потом он научился делать вид, что не над ним смеются, а над кем-то другим.

Как-то заметил Томка курочку с цыплятами. Идет поближе — хочет понюхать.

А курочка как закричит, как прыгнет на Томку — и поехала на нем. Едет, клюет Томку и кричит. Так и слышно, как она выговаривает: «Ах ты, такой-сякой, невоспитанный! Вот я тебя! Вот я тебя! Не смей к цыплятам подходить!»

Томка обиделся, но не захотел показаться смешным и сразу сделал вид, что никто его не клюет, никто на него не кричит.

И тогда курочка соскочила с него и вернулась к цыплятам.

Лисята

У охотника жили в комнате два маленьких лисёнка. Это были шустрые и беспокойные зверьки. Днём они спали под кроватью, а к ночи просыпались и поднимали возню — носились по всей комнате до самого утра.

Так разыграются лисята, так расшалеются, что бегают по моему приятелю, как по полу, пока тот не прикрикнет на них. Эти лисята были настоящие ловкачи.

Раз! — и по занавеске взберётся лисёнок прямо до самого верха. Два! — он уже на высоком шкафу. А вот и на комод, а вот оба таскают друг друга за шиворот.

Как-то пришёл охотник со службы, а лисят нет. Стал он их искать... Заглянул на шкаф — на шкафу нет. Отодвинул комод — и там нет никого. И под стульями нет. И под кроватью нет. И тут мой приятель даже испугался. Видит — охотничий сапог, что лежал в углу, шевельнулся, поднялся, свалился набок. И вдруг поскакал по полу. Так и скачет, перевёртывается, подпрыгивает. Что за чудо такое? Подскочил сапог поближе. Глядит охотник — из сапога хвост высовывается. Схватил он лисёнка за хвост и вытащил из сапога, встряхнул сапог — и другой выскочил. Вот какие ловкачи!

Медвежата

Есть такая деревня, называется Малые Сосны. Малые не потому, что сосны в лесу невелики, а потому, что ближняя деревня зовётся Большие Сосны. В отличие, значит, от той.

В самом непроходимом лесу эти Малые Сосны. Дремучий кругом лес. Ели мхом обросли. Сосны в самом небе ветви раскинули. Осинник в сырых местах, как частокол, наставлен. И вся чаща в трухлявой валежине, в сырости

Не продерёшься через неё. Только лосям длинноногим и ходить тут, через валежник перешагивать.

Принесли охотники после охоты из лесу двух медвежат. Принесли их в деревню, к Прасковье Ивановне в избу, сунули под лавку. Там и стали они жить.

Прасковья Ивановна сама им соски сделала. Взяла две бутылки, тёплого молочка налила и тряпочками заткнула.

Вот и лежат медвежата с бутылками. Спят, посасывают молоко, причмокивают и растут понемногу.

Сначала с тулупа не слезали, а потом и по избе стали ползать, ковылять, кататься — всё подальше да подальше.

Благополучно растут медвежата, ничего себе.

Только раз медвежонок один чуть не помер с перепугу — кур принесли в избу. Мороз был на дворе такой, что вороны на лету замерзали, — вот кур и принесли, чтоб от холода упрятать. А медвежишко выкатился из-под лавки на них посмотреть. Тут петух на него и наскочил. И давай трепать. Да как трепал! И крыльями бил, и клювом, и шпорами порол.

Медвежишко, бедняга, орёт, не знает, что ему и делать, как спастись. Лапами, как человек, глаза закрывает и орёт. Еле его спасли. Еле его от петуха отняли. На руки взяли, а петух кверху прыгает. Как собака какая. Ещё долбануть хочет.

Дня три после того не сходил с тулупа медвежишко. Думали, уж не подох ли. Да ничего — сошло.

К весне подросли, окрепли медвежата.

А летом уж куда больше кошки стали — с маленькую собаку

Такие озорники выросли. То горшок на столе опрокинут, то ухват спрячут, то из подушки перо выпустят. И под ногами всё вертятся, вертятся, мешают хозяйке Прасковье Ивановне

Стала она их гнать из избы: играйте, мол, на улице. Озоруйте там сколько влезет. На улице большой беды вам не натворить. А от собак лапами отмашетесь или залезете куда повыше.

Живут медвежата целый день на воле. В лес бежать и не думают. Им Прасковья Ивановна стала как мать-медведица, а изба — берлогой. Если обидит или напугает их кто-нибудь, они сейчас в избу — и прямо к себе под лавку, на тулуп.

Хозяйка спрашивает:

— Вы что там, озорники, опять наделали?

«А они молчат, конечно», — сказать не умеют, только друг за друга прячутся да глазами коричневыми хитро посматривают.

Шлёпнет их хорошенько Прасковья Ивановна, знает уж: что-нибудь да натворили. И верно. Часа не пройдёт — стучатся в окно соседи, жалуются

— Твои, Ивановна, звери всех цыплят у меня разогнали, по всей деревне собирай их теперь.

Или ещё:

— Овцы в хлев не идут, боятся. Это мишки твои овечек напугали

Взмолится хозяйка:

— Да скоро ли их от меня кто возьмёт? Нету у меня с ними терпенья.

А в город не так-то легко выбраться. Ехать надо километров шестьдесят.

Если весной ехать — распутица не пускает: не дороги, а реки грязевые. А летом работа держит — тоже не уедешь. Так и живут медвежата.

Пришёл я как-то в Малые Сосны охотиться. Сказали мне, что мишки тут есть. Я и пошёл их поглядеть. Спрашиваю хозяйку Прасковью Ивановну:

— Где твои медвежата?

«— Да на воле», — говорит, — балуются.

Выхожу на двор, смотрю во все углы — нет никого.

И вдруг — ох ты! — у меня перед самым носом кирпич летит.

Бац! С крыши свалился.

Отскочил я, гляжу на крышу. Ага! Вон где они сидят! Сидят мишки, делом заняты, разбирают трубу по кирпичику — отвалият кирпич и спустят его по наклону, по тесовой крыше. Ползёт кирпич вниз и шуршит. А медвежата голову набок наклонят и слушают, как шуршит. Нравится им это. Один медвежонок даже язык высунул от такого удовольствия.

Я скорей в избу: спасай, мол, Прасковья Ивановна, трубу-то!

Прогнала она их с крыши и нашлёпала хорошенько.

А в тот же день вечером пришли к ней соседи и тоже жалуются: мишки у трёх домов трубы разобрали, да мало что разобрали, а ещё и в трубы кирпичей навалили. Стали хозяйки днём печи топить, а дым не идёт куда надо, назад в избу валом валит.

Уж ничего не сказала Прасковья Ивановна, а только заплакала.

А как собрался я уходить с охоты, стала она меня просить.

— Сделай, — говорит, — милость, увези хулиганов моих. Сам видишь, каково мне с ними. Пока маленькие были — ребята как ребята. А теперь гляди, что выросло.

Взял я медвежат и повёл в город. Километра два на верёвочке вёл, а до леса дошёл — снял верёвочку. Они-леса-то сами боятся, жмутся ко мне, отстать не хотят.

Лес им чужой, страшный. Так двое суток мы с ними шли. Дошли до города. Тут я их опять на верёвочке повёл. Собак сколько набежало, ребяташек, да и взрослые тоже останавливаются, смотрят.

Отдал я моих малососненских хулиганов в зоосад, а оттуда их прямо за границу отправили. Обменяли на зебру полосатую — африканскую лошадь.

Болтливая сорока

Кого сорока увидит, стрекочет: А я тебя вижу! А я тебя вижу!

Что плохо лежит – она тут как тут.

Птичье гнездо приметит – яйца расклюёт. Птенцов нелётных съест. И зверю несладко от сороки: не даёт сорока укрыться от врагов. Всем рассказывает, где кто прячется. Кричит:

Я вижу! Вижу! Вот он где!

Зверь от сороки тaitся. А сорока от него ни на шаг. Куда он, туда и она. Он по полю – сорока над ним стрекочет:

Я тебя вижу! Я тебя вижу! Не беги – догоню. Не ешь – отниму!

Вот она, какая, сорока

Ходит тетёрка по опушке, слушает, поглядывает. Цыплят от врагов бережёт. Ведь цыплёнку каждый зверь – враг. Сорока увидела цыплят, затаилась. Потом поближе подскочила да как кинется сверху вниз – ловить.

Квох! Квох! – крикнула тетёрка. -Берегись! Враг!

Слетела сорока вниз, а ловить некого – никого не видит. Все спрятались.

Прогнала тетёрка сороку, огляделась и опять квохчет:

Квох! Квох! Всё в порядке, можно вылетать.

Цыплята и вылезли кто откуда – кто из-под шишки, кто из-под ёлки, один из травки, кто из-за бугорка. Сидит медведица на полянке. Порывкивает. Недовольна она, не слушают её мишки. Балуются. Один по луже бьёт лапами – брызги летят! Медвежонку это нравится. Другой на рябине качается, как на качелях.

А сорока тут как тут и кричит:

Вижу! Вижу! Вы что делаете?

Сразу медведица замолчала.

Мишки испугались. Глупые, а понимают: пока рычала, ворчала медведица – никакого врага не было. Можно было баловаться. А замолчала – значит, прятаться надо. Мишка – из лужи, мишка – с рябинки и поскакали в чашу, где погуще, пока сорока от них не отвязалась.

Волчатам еду волчица принесла. Дичь словила. Каждый еду к себе потянул. Ворчат, рычат. А сорока сверху как закричит:

Я вас вижу! Отдай! Я вижу!

Волки врассыпную кто куда. А волчица по чистому месту от сороки скачет, не таится. Сорока над ней стрекочет:

Вижу! Вижу! Ты куда?

Волчице только это и надо. Не понимает сорока, что волчица нарочно не прячется. От волчат её отводит. Волчонки тем временем вернулись, добычу съели, сороке ничего не оставили.

Рысь ползёт к куропаткам. А они клюют, кормятся, ничего не замечают. К ним сорока прилетела. Интересно ей, что эти куры клюют. Шевельнулся кто-то в кустах. Взлетела сорока на ёлку и видит – подкрадывается к куропаткам зверь.

Вижу! Вижу! Я тебя вижу! Вот он где!

Куры услышали, на крыло поднялись. Рысь прыгнула, да так никого и не ухватила.

Охотник Фёдор Фёдорович пошёл лисят ловить. Он давно высмотрел лисью нору. Раскопает он нору и лисят переловит. Фёдор Фёдорович – заправский охотник, человек знающий.

Только недолго он по лесу шёл. Сорока увидела Фёдора Фёдоровича и давай всем рассказывать, покрикивать:

Вот он идёт! Вижу его! Вот он! Вижу!

В это время щенки лисьи у норы играли. Кто кость грыз, кто боролся, кто на солнышке лежал.

Услыхала лиса сороку, выглянула из-за куста и увидела охотника.

Подошёл Фёдор Фёдорович к норе, копает, копает, роет, роет – нет в норе никого. Ищи свищи! Лиса давным-давно лисят увела. Рассердился охотник.

– Берегись, – говорит, – сорока, попадешься ты мне когда-нибудь.

Сорока скачет, поглядывает – что козы делают?

А ничего интересного нет. Они траву срывают да жуют и её, сороки, не боятся.

Услыхала сорока, где-то собака лает. Взлетела повыше, видит: Фёдор Фёдорович с ружьём и с собакой. Пёс по козьему следу идёт, лает, охотнику показывает.

Сорока – кричать-стрекотать:

Вот он! Вот он!

Козы услышали: где-то враг близко! И ускакали.

Погнался было за ними пёс, да таких бегунков собаке не догнать. И вернулся к хозяину.

Совсем рассердился Фёдор Фёдорович. И решил Фёдор Фёдорович выгнать сороку из леса. Портит она охоту, зверей предупреждает. У его знакомого был филин. Фёдор Фёдорович этого филина привязал на опушке, а сам укрылся.

Налетели птицы к филину. И чижи, и воробьи, и дрозды, и сойки, и сороки. Свистят, кричат, дразнят филина. А филин клювом щёлкает, крылья развёл – боится.

Пальнул Фёдор Фёдорович по сороке, да не попал. А сорока испугалась и из тех мест улетела.

Из норы вылез барсук. Нашёл сорочье перышко. Понюхал его, пожевал – невкусно. И пошёл охотиться, еду добывать.

Кошка Маруська

У деревенского охотника Никиты Ивановича Пистончикова жила пестрая кошка Маруська. Плешивая кошка, худая, тощая, потому что Никита Иванович ее очень плохо кормил. Весной кошка Маруська с голоду стала ходить в лес на охоту. Потихоньку, крадучись, чтобы деревенские собаки ее не видели, уйдет она из деревни и охотится в лесу. То мышку поймает, то изловит какую-нибудь птицу. Пошла она так однажды охотиться, да и осталась совсем жить в лесу.

Скоро кошка Маруська потолстела, похорошела, гладкой стала. Ходит по лесу, как разбойник, гнезда разоряет, — живет в свое удовольствие.

А хозяин ее — Никита Иванович Пистончиков — о ней совсем забыл.

Но вот пришла осень. Птицы из лесу улетели. Только мыши остались на добычу кошке Маруське.

Потом и настоящая зима настала. Мыши стали жить под снегом. Редко-редко, когда выбегут. Пробегут поверху немного и опять уйдут в свои подснежные ходы-переходы.

Плохо тут пришлось Маруське. И холодно, и голодно. Как прокормиться?

Стала устраивать засады. Залезет на дерево и лежит на суку: ждет, не пробежит ли под деревом мышка или заяц. А если пробежит, Маруська тогда сверху и кинется.

Недобычливая такая охота. Отощала кошка, похудела, стала злющей-презлющей, как дикий зверь.

Однажды Никита Иванович собрался на охоту. Надел заячью шапку-ушанку, овчинный полушубок, взял ружье, взял мешок для добычи и пошел на лыжах в лес.

Идет он по лесу и разные звериные следы разбирает. Вот заяц прыгал - наследил, вот лиса прошла, а вот белка от дерева к дереву проскакала.

Проходит он мимо высокой толстой ели, и вдруг как свалится ему прямо на голову какой-то зверь. Когтями его заячью шапку рвет, шипит, ворчит. Никита хватя зверя обеими руками - так вместе с шапкой и снял с головы. Хотел бросить зверя наземь - глядит: да это его пестрая кошка Маруська! Тощая-претошая, одна кожа да кости

— Эх ты, — засмеялся Никита Иванович, — горе-охотник! Заячью шапку с зайцем спутала.

Пожалел он ее, принес домой и с тех пор стал кормить как следует.

Что за зверь?

Выпал первый снег, и всё кругом стало белым. Деревья белые, земля белая, и крыши, и крыльцо, и ступеньки на крыльце — всё покрылось снегом.

Девочке Кате захотелось по снежку погулять. Вот она вышла на крыльцо, хочет по ступенькам спуститься в сад и вдруг видит: на крыльце в снегу какие-то ямки. Какой-то зверёк ходил по снегу. И по ступенькам следы, и на крыльце следы, и в саду следы.

«Вот интересно-то! — подумала девочка Катя. — Что за зверёк тут ходил? Это надо узнать».

Взяла Катя котлетку, положила её на крыльцо и убежала.

День прошёл, ночь прошла. Настало утро. Проснулась Катя и скорей на крыльцо — посмотреть, съел ли зверёк её котлетку. Смотрит — котлетка цела! Где её положила, тут она и лежит. А следов ещё больше. Значит, зверёк снова приходил.

Тогда убрала Катя котлетку, а положила вместо неё косточку из супа.

Утром опять бежит Катя на крыльцо. Смотрит — косточку зверёк тоже не трогал. Так что же это за зверёк такой? И косточек не ест.

Тогда положила Катя вместо косточки красную морковку. Утром глядит — морковки нет. Зверёк приходил и всю морковку съел!

Тогда Катин папа сделал западню. Опрокинул на крыльце ящик кверху дном, подпёр его лучинкой, а к лучинке привязал бечёвкой морковь. Если морковку дёрнуть, лучинка отскочит, ящик упадёт и накроет зверька.

На следующий день и папа пошёл, и мама, и даже бабушка пошла посмотреть, не попался ли зверь в западню. А Катя впереди всех.

Есть в западне зверь! Прихлопнул кого-то ящик, упал с подставки! Заглянула Катя в щёлку, видит: сидит там зверь, белый-белый, пушистый-пушистый, глаза розовые, уши длинные, прижался в угол, морковку дожёвывает.

Это кролик! Унесли его домой, на кухню. А потом сделали большую клетку. И он стал в ней жить.

А Катя его кормила морковкой, сеном, овсом и сухарями.